

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Коялович М. О.	Соловьев В. С.
Св. Нил Сорский	Лешков В. Н.	Бердяев Н. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Погодин М. П.	Булгаков С. Н.
Москва – Третий Рим	Беляев И. Д.	Трубецкой Е. Н.
Иван Грозный	Филиппов Т. И.	Хомяков Д. А.
«Домострой»	Гиляров-Платонов Н. П.	Шарапов С. Ф.
Посошков И. Т.	Страхов Н. Н.	Щербатов А. Г.
Ломоносов М. В.	Данилевский Н. Я.	Розанов В. В.
Болотов А. Т.	Достоевский Ф. М.	Флоровский Г. В.
Пушкин А. С.	Одоевский В. Ф.	Ильин И. А.
Гоголь Н. В.	Григорьев А. А.	Нилус С. А.
Тютчев Ф. И.	Мещерский В. П.	Меньшиков М. О.
Св. Серафим Саровский	Катков М. Н.	Митр. Антоний Храповицкий
Шишков А. С.	Леонтьев К. Н.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Победоносцев К. П.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Фадеев Р. А.	Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Хомяков А. С.	Киреев А. А.	Башилов Б.
Аксаков И. С.	Черняев М. Г.	Концевич И. М.
Аксаков К. С.	Ламанский В. И.	Зеньковский В. В.
Самарин Ю. Ф.	Астафьев П. Е.	Митр. Иоанн (Снычев)
Валуев Д. А.	Св. Иоанн Кронштадтский	Белов В. И.
Черкасский В. А.	Архиеп. Никон (Рождественский)	Лобанов М. П.
Гильфердинг А. Ф.	Тихомиров Л. А.	Распутин В. Г.
Кошелев А. И.	Суворин А. С.	Шафаревич И. Р.
Кавелин К. Д.		

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

**ФИЛОСОФИЯ
НЕРАВЕНСТВА**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2016**

УДК 1(091)

ББК 87.3

Б 48

Бердяев Н. А.

Б 48 Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2016. — 624 с.

В книге публикуются труды русского мыслителя, философа и публициста Николая Александровича Бердяева (1874–1948). В его философии есть немало того, что не может принять человек, живущий идеалами Святой Руси. Тем не менее в его книгах содержатся глубокие мысли и предвидения, основой которых является национальная русская философия – от митрополита Илариона до славянофилов. Исследуя происхождение социалистических учений, он видит их корни в иудейских доктринах построения Царства Божьего на земле для избранного народа. В первооснове социализма лежат свойственные иудеям неверие в бессмертие, жадность к земным благам, а главное – забвение Христа, отхождение от тайны искупления, происходит подмен божественного миропорядка безбожным царством.

Пророчески звучат слова Бердяева о масонстве как страшной разрушительной силе, возвращенной на иудейских доктринах. По его мнению, «масонство в конце концов хочет ослабить все нации, лишить их индивидуального характера и подменить Церковь Христову ложной гуманистической лжецерковью, конкретное всеединство человечества – абстрактным единством». То, о чем писал Бердяев в 1918 г., претворилось в жизнь в странах сегодняшнего Евросоюза.

ISBN 978-5-518-99599-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Александрович Бердяев (6[18].03.1874–24.03.1948), философ и публицист, учился в Киевском университете (на физико-математическом и юридическом факультетах), откуда в 1898 г. исключен за участие в студенческих беспорядках. Примищал к легальному марксизму, но впоследствии отошел от него.

В годы революции (1918–1922) Бердяев вместе с другими философами и писателями создает Вольную религиозно-философскую академию, пишет книгу «Философия неравенства», направленную против советской идеологии и увидевшую свет уже за границей (Берлин, 1923). В 1922 году вместе с другими философами-идеалистами Бердяев был изгнан из России; он поселился в Берлине, стал редактором журнала «Путь» и руководителем религиозно-философского издательства «ИМКА-ПРЕСС».

Бердяев впитал в себя самые различные влияния. В. Соловьев и Несмелов, Розанов и Мережковский из русских мыслителей ярче всего сказались в творчестве Бердяева, но не менее сильно было и влияние Достоевского, что отмечает и сам Бердяев. Из иностранных писателей больше всего повлияли на Бердяева Шопенгауэр, Ницше и Беме, но он глубоко впитал в себя и основные идеи трансцендентализма. Широта и разносторонность философских интересов, постоянное и пристальное внимание к чужим идеям, к чужим построениям – все это умерялось тем даром синтеза, который особенно сближает Бердяева с В. Соловьевым. В Православии Бердяев нисколько не считался с церковной традицией, без колебаний

отклонялся от него, легко вбирал в себя чужие религиозные установки – отсюда у него убеждение, что он защищает некое «универсальное» (или «вечное») христианство. Когда Бердяев окончательно утвердился в мысли о «примате свободы над бытием», тогда ему стало совсем легко уходить в вольные построения.

Если внимательно проследить эволюцию моральных воззрений Бердяева, то становится ясно, что он не сразу осознал характерные для него моральные идеи. В начале своего творчества Бердяев еще не до конца осознал внутреннюю «независимость» этического сознания: он хотел, чтобы «идеал получил научную санкцию», он думал, что свобода в человеке открывается тогда, когда «необходимость благосклонна к нашему идеалу», принимает еще учение марксизма о том, что «свобода есть осознанная необходимость». Но критический идеализм его постепенно освобождает от исканий «научной санкции идеала» – и чуть позднее Бердяев учит об «абсолютности и вечности нравственного закона», о том, что он дан «для мира сего», но что «он не от мира сего». Свобода в человеке совсем и никак не связана с необходимостью («нравственный закон принадлежит царству свободы, а не царству необходимости»). «Давно уже пора, – пишет он, – уничтожить этическую фикцию “ты”... отношение человека к человеку этически производно и зависит от отношения к самому себе». Моральное сознание осложняется у Бердяева при этом его религиозными и мистическими идеями: у него уже выступает идея «нового зона», он ищет «нового религиозного сознания». Так как, по мысли Бердяева (которая отныне уже навсегда входит в предпосылки его морального сознания), «человек нового религиозного сознания не может отречься ни от язычества, ни от христианства», то у него начинается отрыв от христианской культуры, а позже и борьба с ней, и отращивание к ней (во имя «нового религиозного сознания»).

Новый этап в эволюции морального сознания Бердяева проглядывается в книге «Смысл творчества». Книга эта начинается период дуализма (с которым так и остался до конца

дней Бердяев, хотя самые формулировки дуализма несколько раз у него менялись): «мир есть зло, – пишет он, – из него нужно уйти. Свобода от мира – пафос моей книги». Уже из этих слов ясно основоположное значение моральной сферы во всем творчестве Бердяева (поскольку дуализм, вытекающий из моральной основы, остался, как еще увидим, решающей предпосылкой всех его высказываний). С другой стороны, уже вся эта книга есть такой апофеоз человека, такое возвышение его, что ни к кому в русской философии не относится знакомый уже нам упрек Леонтьева в антрополатрии (т. е. в возведении человека в предмет поклонения), как именно к Бердяеву. «Бесконечный дух человека, – читаем здесь, – претендует на абсолютный, сверхприродный антропоцентризм, он сознает себя абсолютным центром не данной замкнутой планетной системы, а всего бытия, всех миров». При такой позиции (которая определяется вовсе не онтологией человека, а именно его моральным самовозвеличением) основной задачей (даже долгом) человека является творчество. «Цель человека не спасение, а творчество», – пишет Бердяев, но тут же смягчает свою мысль тем, что признает, что все же «для творческого восхождения нужно спасение от зла и греха». «Не творчество должны мы оправдывать, – пишет Бердяев, – а наоборот – творчеством должны мы оправдывать жизнь». «Старое религиозное сознание» не знало, подчеркивает Бердяев, такого отношения к творчеству – и потому с новым отношением к творчеству мы вступаем в эпоху «нового, небывалого религиозного сознания», ибо «творческий акт есть самоценность, не знающая над собой внешнего суда». «Культ святости должен быть дополнен культом гениальности» (как творческой силы). Но мысль Бердяева идет дальше. Для него «творческий акт задерживается в мире искуплением», и в моральном сознании, по Бердяеву, открывается внутренняя двойственность: «Христианство, как мораль искупления, не раскрыло морального творчества». Перед нами открылось два моральных пути, заключает Бердяев, «послушание и творчество, устройство мира и восхождение из

мира». Это уже не просто отрыв от «морали, основанной на борьбе против собственных грехов», т. е. по существу против христианской морали («нельзя жить в мире и творить новую жизнь, – пишет Бердяев, – с одной моралью послушания»), это уже попытка найти новую «этику творчества» («возлагающую на человека... ответственность за его судьбу и судьбу мира»). «Творческое откровение о человеке, – пророчествует Бердяев, – есть единственный путь возрождения и развития омертвевшей жизни Церкви».

Все эти новые построения с достаточной ясностью выражены в книге «Философия свободного духа», в которой уже выступает и новая метафизика мира (элементы чего были, впрочем, и раньше): прежде всего учение о «символизме» природного бытия (что предваряет дальнейшее учение об «объективации» духа), а затем о божественности «энергии человеческой» и о «теономической природе» морального сознания (что вытекает из нового учения о человеке). Здесь же есть зачатки построения, которые развиваются позже: о том, что «можно идти к высшему добру через зло». Но своего высшего расцвета новая моральная установка у Бердяева достигает в его книге «О назначении человека» («Опыт парадоксальной этики», 1931).

Здесь следует отметить настоящий «панморализм». «Этика шире той сферы, – пишет Бердяев, – которую ей обычно отводят», «в основании философии лежит нравственный опыт». Для Бердяева «оценки по критерию добра и зла носят лишь символический характер»: «глубина бытия в себе, глубина жизни совсем и не “добрая” и не “злая”... она лишь символизируется так». «Наша этика, – пишет он, – символична», и потому она «слагается из парадоксов»: «её основной вопрос совсем не о добре... а об отношениях между свободой в Боге и свободой в человеке». Бердяев различает 3 ступени в этической эволюции: этику закона (Ветхий Завет), этику искупления (Новый Завет) и этику творчества. О том, что этика закона есть низшая, не может быть для Бердяева и спора – она есть «этика социальной обыденности»,

она проходит мимо личности, она «исходит из религиозного страха», хотя и охраняет личную жизнь, но и калечит ее; она есть и в христианскую эру – здесь она создает психологию христианского законотворчества. Даже если мы кладем в основу этики идею добра, то этика все же «становится снова законнической и нормативной», – евангельская же мораль есть «мораль благодатной силы, неизвестной закону, т. е. уже не есть мораль... ибо христианство поставило человека выше идеи добра». Бердяев раскрывает то, что Евангелие нельзя понимать законнически, но при своем обычном максимализме доходит до нарочитого противопоставления «живой личности» и «идеи добра». Превосходные мысли о «тайне искупления» и тайне «преодолимости прошлого» в благодатной силе искупления быстро переходят у Бердяева в учение о том, что «этика искупления во всем противоположна миру», что «на Евангелии нельзя обосновать государство, хозяйство, семью, культуру», что «правда духовной жизни неместима в жизнь природную». В сущности этика искупления собственно не есть этика, – ибо само по себе христианство «есть не что иное, как приобретение силы во Христе и через Христа», – подлинно христианская этика есть поэтому этика творчества.

«Творчество стоит, – пишет Бердяев, – как бы вне этики закона и вне этики искупления и предполагает иную этику. Творец оправдывается своим творчеством... творец и творчество не заинтересованы в спасении и гибели»... «творчество означает переход души в иной план бытия»: «страх наказания и страх вечных мук не может играть никакой роли в этике творчества». Бердяев уверен, что «творческое горение, эрос божественного побеждает похоть и злые страсти», что «сублимация или преображение страстей означает освобождение страсти от похоти и утверждение в ней свободной творческой стихии». Этика творчества есть этика творческой энергии – и тогда как наш «закон сковывает энергию добра», этика творчества, преодолевая этику закона, «заменяет абсолютные веления... бесконечной творческой энергией». Творчество, уверяет

Бердяев, «есть благодатная энергия, делающая волю свободной от страха, от закона», творчество «есть первожизнь», оно обращено «не к старому и не к новому, а к вечному».

Этот апофеоз творчества, чтобы быть правильно понятым, должен быть связан с той персоналистической метафизикой, которую позже развивал Бердяев – особенно в книге «О рабстве и свободе человека» (а также в книге «Я и мир объектов»), с учением об «объективации духа», с утверждением, что «быть в мире есть уже падение». По словам Бердяева, в нем всегда была «влюбленность в высший мир», а к «низинному миру – только жалость», т. е. жалость к миру, который есть лишь «объективация духа», не есть «подлинное бытие, не есть первореальность». Есть поэтому два выхода личности из самой себя. Первый есть объективация, когда человек выходит в общество, в царство «обыденщины», «общеобязательных» форм жизни, и второй – путь «трансцендирования», когда сохраняется «жизнь в свободе». Объективация же всегда «антиперсоналистична», ибо обезличивает человека, вызывает в нем приспособление к обыденщине, создает «рабью» психологию; объективация всегда есть источник рабства. «Личность вообще первичнее бытия», – утверждает Бердяев, борясь со всяческим онтологизмом.

Бердяев находит «рабство» уже в богословии, которое учит о Боге как «Господе» (это есть «рабство» перед Богом – потому недопустимое, что этим «унижается» человек). «На отношения между Богом и человеком были перенесены отношения между господином и рабом, взятые из социальной жизни». В этом есть неверное понимание самой сути религии. Бердяеву всюду видится «покушение» на человека, на его свободный дух, – а отвращение к «объективации» и презрение к ней требует того, чтобы отгородиться от «объективного» мира. «Всякое выражение творческого акта во вне, – признается Бердяев, – попадает во власть этого мира», – и отсюда, по его мысли, печать трагизма на творчестве вообще. «Объективация духа, – читаем в книге Бердяева “Опыт эсхатологической метафизики”, – есть его искажение, самоот-